

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЛАДИМИРСКОМ ТЕАТРЕ

«НАДО, чтобы наши творческие манеры, — говорит известный советский режиссер Г. Товстоногов, — становились все более многообразными, оставаясь в пределах общих принципов социалистического реализма. Художественные вкусы должны быть индивидуальны у всех театров. Только тогда театры могут называть себя художественными организациями». Даже неглубокий анализ репертуара Владимирского областного театра драмы имени А. В. Луначарского убеждает, что перед нами коллектив самобытный, со своим почерком, традициями.

Художественный вкус Владимирского театра индивидуален. Разумеется, с чем-то можно поспорить с его коллективом, возможно, с чем-то можно и не согласиться. Попробую сформулировать, в чем же, на мой взгляд, выражается самобытность Владимирского театра, подошедшего в этом году к своему 129-му сезону.

В первые дни гастролей в Риге театр предложил рижанам пять спектаклей. И из гастрольной афиши я бы выделил три направления.

К первому можно отнести постановки режиссера В. Пазы, тяготеющего к богатой, яркой театральности, и художника С. Бахвалова, искусно подчеркивающего эту театральность в оформлении спектаклей — мелодрама «Медвежья свадьба» А. В. Луначарского и страницы романа «Милый друг» Ги де Мопассана.

Ко второй условной группе спектаклей относятся две современные советские драмы — «Долгожданный» А. Салынского и «Личная

жизнь» по повести С. Никитина «Золотая пчела».

И третье своеобразное направление театра представляет рижанам пьеса «Проснись и пой!» венгерского драматурга Миклоша Дьярфаши.

СПЕКТАКЛИ «Медвежья свадьба» и «Милый друг» отличаются своеобразный режиссерский рисунок. Подчеркивается театральность постановок, по богатству красок напоминающая вахтанговскую «Принцессу Турандот». В канву спектаклей введены персонажи «от театра»: в «Медвежьей свадьбе» это бродячие музыканты, в «Миллом друге» — паяцы, пересказывающие страницы романа Мопассана. И молчаливые музыканты, и повествующие паяцы выражают негативное отношение театра к происходящим на сцене событиям.

Как бы в противовес этим спектаклям, в строго реалистической манере, традиционной для русского театра, решаются драмы современных советских авторов — «Долгожданный» А. Салынского (режиссер М. Морейдо) и «Личная жизнь» С. Никитина (режиссер заслуженный артист Казахской ССР Г. Пушкарёв). Их объединяет единый принцип решения поставленных в спектаклях морально-этических проблем. Несколько неординарные сюжетные повороты лежат в основе пьес.

Героиня «Долгожданного» Нина Родионова (актриса Г. Борисова) двадцать лет воспитывает сыновей, сохраняя верность памяти мужа, пропавшего без вести в годы Великой Отечественной войны. И ее муж — Яков — после тяжких испытаний, выпавших на его долю, возвращается наконец в дом (актер В. Смольников).

Герой «Личной жизни» — Никита Ильич Крылов (заслуженный артист РСФСР С. Юматов) подчинил все свое существование воспитанию сына, оставшегося с ним без матери, жившей все это время вдали от первой семьи. Это скрывалось от молодого Никиты Крылова (актер Л. Кулебакин). И вот сейчас Людмилу (актриса Г. Борисова) — так зовут эту женщину — постигло несчастье, и она просит помощи. Мать и сын должны встретиться по существу в первый раз...

В сложных противоречиях сюжетных коллизий сталкиваются характеры героев

этих пьес. Нелегко приходит к ним выбор оптимального решения, которого требует жизнь. И поступки персонажей подтверждают прочность гуманистических принципов, заложенных в человеке. В этом оптимистическое, жизнеутверждающее звучание спектаклей.

Комедия же «Проснись и пой!» М. Дьярфаши в гастрольной афише единственна в своем роде. Спектакль смотрится с интересом. Режиссеру Ю. Шипкину удалось в легкой непринужденной манере поговорить о взаимоотношениях современных «отцов и детей». Хорошо бы и «отцам» и «детям» собраться вместе и отдохнуть на этом спектакле, посмеявшись над частенько возникающими в нашей жизни «неразрешимыми» противоречиями.

ВЛАДИМИРСКИЙ театр не боится открытого проявления на сцене больших страстей, эмоций. Это качество театра выявляется и в выборе драматургии, и в решении спектаклей, и, естественно, в актерской трактовке того или иного персонажа.

Вот, к примеру, спектакль по мелодраме А. В. Луначарского «Медвежья свадьба». Уже в предлагаемых обстоятельствах самой пьесы заложена гипертрофированная страсть. Последний отпрыск старого графского рода Шеметов принял на себя наследственное проклятие вырождающегося аристократического клана.

Сюжет «Медвежьей свадьбы» Луначарский заимствовал у Проспера Мериме. А тот, в свою очередь, использовал старую легенду. Луначарский же провел в пьесе тему освобождения крестьян от феодальной зависимости, придав ей таким образом общественно-политическое звучание.

И пьеса нашла достойное решение на подмостках Владимирского театра. Мне представляется — именно в силу неповторимого индивидуального почерка театра.

ВЛАДИМИРСКИЕ не стараются нас убедить, будто вы не в театре. То есть не создают во время спектакля такой атмосферы, когда зрители невольно восклицают: «Все как в жизни!» Даже наоборот, нам все время всей обстановкой напоминают, что это театр. Что мы — зрители, а на сцене — актеры.

И как в этой «театральной» атмосфере выгодно «ра-

ботает» настоящий огонь свечей в спектаклях В. Пазы! В «Миллом друге» — две горящие свечи у кресла только что умершего Шарля Форестье (актер В. Лебзин). Они горят неестественно ярким светом. И этот свет — как символ угасающей жизни.

Но в своей неприкрытой театральности коллектив проповедует главное: «Правдоподобие чувствований и истину страстей...» — как определил в свое время Пушкин.

Проявление «открытой эмоциональности» обращено непосредственно к чувствам зрителей.

Для иллюстрации — эпизод из «Медвежьей свадьбы». Пастор Виттенбах (актер Г. Бедностин) с трудом, медленно, негромко рассказывает нам о последних трагических минутах жизни юной Юлии Ивинской, все-таки состоявшей на свадьбе с графом. Бросившей этим вызов самой Природе. А в окне, в кровавом отблеске заката появляется полубезумевший граф Шемет. Взъерошенный, в белой порванной рубашке...

С помощью сценического искусства нам дают возможность испытать чувство сострадания или страха, доведенного до крайнего напряжения, как рекомендовал еще Аристотель. Нарушается «душевное равновесие» сидящих в зале, а к финалу спектакля наступает своеобразное «очищение». Разрядка, соединенная с непременным чувством эстетического наслаждения. И Владимирский театр драмы следует этому верному древнему театральному закону.

Самобытное лицо наших гостей проявляется и непосредственно в игре актеров. Приятно отметить и то, что актерский состав театра в значительной степени молодежный, и то, что актеры разных поколений «говорят на одном творческом языке». Театр показал серьезную манеру игры.

...Гастрольная жизнь театра вошла в нормальную рабочую колею. Впереди встречи с новыми работами театра. Это спектакль по пьесе М. Шатрова «Именем революции» и спектакль по роману М. Шолохова «Поднятая целина»...

Б. КОБА,
нешт. корр. «СМ».



Сцены из спектаклей Владимирского театра.



Фото А. ЦВЕТКОВА.